

Ольга Зверлина

Чёрная
сумка

6+

Ольга Зверлина

Чёрная сумка

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Зверлина О.

Чёрная сумка / О. Зверлина — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Сказочная зимняя повесть для семейного чтения. В маленьком городке вдруг пропадают 5-летние малыши, их близкие волнуются, милиция в тупике. А по округе бродит загадочная старуха с чёрной сумкой, о которой болтают всякое - и непонятно, связаны ли с ней эти загадочные исчезновения.

Содержание

Васенька.	6
Ля.	8
Котя.	11
Клубничная Варвара.	13
Несчастливая Ирка.	16
В сумке.	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

*Вы когда-нибудь жили за подкладкой? Думаю, нет.
А вот Васенька...
Впрочем, расскажу-ка я вам всё по порядку.*

Васенька.

Васенька плёлся, ножка за ножку, то и дело поскользываясь на ледяных катках и роняя лопатку. Сестра Ирка, и без того красная от нетерпения, сердилась всё больше и больше – фыркала, нагибаясь за лопаткой, тянула Васеньку за руку и выкрикивала: «Не придуривай, Васёк! Топай быстрее, я из-за тебя на кино опоздаю!»

Ирка каждый день смотрела по телевизору свой любимый сериал «Школьные сердца» и воображала себя на месте героини, семиклассницы Карины – красивой, смелой, всеми обожаемой. Сегодня был понедельник, а Ирка все выходные с нетерпением ждала новой серии. И тут – младший брат, «сил-моих-больше-нет», до чего вредный. Если бы не он, сидела бы уже Ирка перед телеэкраном на мягком диване, с маленьким плюшевым львёнком на плече, и сладко таяла бы у неё во рту любимая воздушная шоколадка.

Эх, если бы...

Ирка посмотрела на часы – до начала оставалось несчастных пять минут.

Всего пять!

А до дома ещё полчаса через двор тащиться, с такой-то черепашьей скоростью.

– Быстрее, быстрее! Давай наперегонки, кто первый? – попробовала схитрить Ирка.

Но Васенька глянул на неё исподлобья – и вовсе замер посреди тропинки.

– Эй, Васёк! Побежали, а?

Васенька упрямо не двигался.

– Ты чего это?! – задыхнулась от возмущения сестра: у Ирки просто руки чесались, до того ей хотелось отшлёпать младшего брата!

Но он же обязательно старшим нажалуется, папин любимчик...

Поодаль, возле заснеженной скамейки, остановилась маленькая старушка. Старушка тихонечко ела банан, поглядывая то на Ирку, то на Васеньку.

– Ножки устали. Хочу на ручки, – умильно моргая, объявил Васенька.

Разумеется, Васенька не собирался к Ирке на ручки, он ведь уже большой. Это он нарочно дразнил сестру: а чего она всё время командует?

– Вот ещё, наглость какая – на ручки! Пять лет почти обормоту, в школу давно пора, таблицу умножения зубрить! Своими ногами должен топтать. Вперёд! – Ирка дёрнула брата за руку.

Тогда Васенька просто уселся в снег – и ни с места.

– Ты нарочно меня злишь? Нарочно? Нарочно, да?!

Васенька кивнул: домой он не спешил, а сидеть в снегу так приятно!

Снег свежий – мягкий, пушистый. Он с утра засыпал весь небольшой городок: засыпал крыши, газоны, улицы, засыпал ларьки и припаркованные машины.

Засыпал площадь с важной усатой статуей в серединке, засыпал старинный дворец-музей с зевающими мраморными львами возле входа.

Засыпал и невысокий кирпичный дом, где на втором этаже, в трёхкомнатной квартире, жили с папой, мамой, бабушкой и толстым котом Мявчиком брат и сестра Егоровы: старшая Ирка и младший Васенька. Снег выбелил их крышу, их балкон и недавно выкрашенные в синий цвет желязные подоконнички. Снег завалил весь двор возле дома – и теперь здесь целые горы красивых снежинок, одна лучше другой.

Сейчас Васенька достанет свою новенькую лупу, бабушкин подарок, и будет, никуда не торопясь, разглядывать снежинки. Ведь комбинезон у Васеньки на гагачьем пуху – тёплый, непромокаемый, с целой кучей карманов и карманчиков.

Хоть весь день в сугробе сиди.

Васенька поёрзал в снегу, устраиваясь поудобнее; потом вытащил из нагрудного кармашка длинную конфету в зелёном фантике и, откусив половинку, показал Ирке вымазанный шоколадом язык.

– Ах, так? Так? Не слушаться?! Так, значит?! Да я тебя! Да ты.., – не находя слов, Ирка в сердцах топнула ногой. – Да чтоб ты пропал!

И Васенька так и не успел засунуть в рот вторую половинку конфеты.

Васенька послушно взял – и исчез.

Ирка растерянно заморгала, затрясла головой, точно прогоняя наваждение, беспомощно огляделась – непослушного братика нигде не было. Двор вообще был пуст, только голуби клевали что-то возле мусорного контейнера и по тропинке вдоль соседнего дома, покачивая сумкой, ковыляла прочь сгорбленная старушка.

– Ба... ба... б-бабушка! – запинаясь на каждом слогое, закричала ей вслед Ирка. – Вы... вы... м-моего братика с-случайно не в-видели?

Старушка оглянулась, грустно покачала головой – и завернула за угол.

Ля.

– Ля! Ля, ты где?

Вообще-то её звали Лиля. А полностью – Лилия. Как цветок.

Но у неё долго не получалось говорить «Лиля» – «ли» почему-то сразу проглатывалось.

От имени оставалось то короткое «иля», то – одно лишь певучее «ля». И это «ля» до того ей нравилось, что, когда её спрашивали: «Как тебя зовут, малышка?» – она охотно отвечала: «Ля!»

К этому все привыкли – и мама, и папа, и бабушка. И тоже стали так её звать.

Папа, когда он возвращался из своих долгих командировок, всегда сгребал счастливую дочку в охапку и подбрасывал к самому потолку. Ля верещала, а папа весело смеялся:

– У нас не девочка, а маленькая нотка! Звоночек! Ля-ля-ля!

И даже когда Лиля научилась произносить своё имя правильно, все по-прежнему звали её Ля.

Одна бабушка называла внучку Лилия.

Бабушка была очень строгая.

– Ля-я-я!

Ля высунулась из большого шкафа на мамин голос: неужели надо уходить?

– Пора домой, – позвала мама. – Пойдём, доча.

Как жаль... Тут так интересно: горы, пещеры, домики – целый сказочный городок!

Правда, мама уверяла, что это всего лишь простые диваны, столы и шкафчики. И стоят они не в сказочном городке, а в мебельном магазине, в самом обыкновенном, в котором можно купить всё, что тебе потребуется – кровать, стул или овощной ящик на колёсиках.

И Ля тут же попросила купить ей большой деревянный дом с окошечками.

Но мама рассмеялась: ведь это не дом, а шкаф – шкаф с застеклёнными дверцами. А шкаф им не нужен, у них уже есть целых три шкафа: мамин, полный разноцветных кофточек, бабушкин, пахнущий внутри нафталином, и детский – розовый, с цветными картинками, который стоит в Лилиной комнате.

Ля вздохнула – все эти домашние шкафы совсем неинтересные, они битком набиты стопками белья и одеждками на вешалках. А этот, с окошечками – он пустой: в нём можно играть, в нём можно прятаться...

И ещё в нём живёт маленький домовёнок – там, сбоку, за ящиками: Ля слышала, как он шуршит. Если затаиться и подождать немножко, он обязательно покажется.

– Пойдём, – повторила мама, – бабушка велела на почту зайти, а ещё нам за хлебом надо. И за кормом для папиных рыбок.

– Но, мам, – замахала рукой Ля, – ты иди, а я тут посижу. Купи рыбкам хлебца, потом за мной придёшь.

– Нет, так нельзя, Ля: нельзя маленьких девочек где попало одних оставлять.

– А мальчиков можно? – хитро прищурилась Ля. – Тогда пусть я пока буду мальчик, твой сыночек. Понарошку.

– И сыночков нельзя одних оставлять, – улыбнулась мама, и на щеках у неё округлились ласковые ямочки. – Малыши могут потеряться.

– Но я же большая! Очень! Вот такая! – Ля привстала на цыпочки. – Мне уже вот сколько!

Она загнула четыре пальчика на правой руке; подумала – и слегка согнула ещё один: ведь ей скоро будет пять. Очень-очень скоро.

– Вот, вот сколько – смотри, ма! – замахала ручками Ля. – Я тут посижу.

Она слегка подтолкнула маму в бок:

– Иди, иди, мам! Иди!

– Всё равно нельзя, – мама потянула дочку за руку. – Пошли, Ля!

– Нет. – Ля повернулась к маме спиной.

– Не капризничай, Ля, а то бабушке скажу!

– Ну и говори! Ябеда, – надулась Ля.

– Я не ябеда. Вот я всегда-всегда твою бабушку слушалась!

Ля промолчала.

– Не будешь слушаться? – спросила мама, с лёгким свистом застёгивая молнию на своей меховой курточке.

– Не буду! – упрямылась Ля.

Мама ненадолго задумалась.

– Тогда я ухожу, – решительно заявила мама, делая шаг к выходу. – Одна ухожу. Совсем ухожу.

– И уходи, – буркнула Ля, – и на здоровьице!

Она обиженно смотрела в сторону: там, около узенького книжного шкафа, суежилась сгорбленная бабушка в сером пальто – открывала-закрывала дверцы, выдвигала ящики, иногда поглядывая через плечо то на Ля, то – на её рассерженную маму.

– Я сюда не вернусь, – пообещала мама. – Совсем не вернусь.

– И пусть, – ответила Ля.

– Ты останешься здесь одна, – пригрозила мама.

– И пусть.

– Значит, всё. Ухожу. – Мама повернулась к Ля спиной. – Мне такая непослушная дочка не нужна.

Ля молчала.

– Совсем не нужна! – Мама сделала ещё два неуверенных шага к двери, быстро оглянулась на дочку...

Но Ля исчезла.

– Ля, – позвала мама, – в чём дело? Ты где? Вылезай немедленно!

Никто не отозвался.

– Ля! Ля-я-я!

К маме подбежала продавщица, потом другая: вместе они бросились открывать шкафы и заглядывать под диваны. Но девочки нигде не было.

Мама нервничала, продавщицы её успокаивали. Им взялись помогать немногочисленные покупатели, в торговом зале поднялась суматоха.

– Смотреть за детьми нужно, мамаша, – выкрикнул кто-то, – это ж вам не носовые платки! Ну и родители пошли, смех один: целых детей теряют!

Сгорбленная старушка укоризненно покачала головой, проверила замочек на своей старой сумке – и тихонько вышла из магазина.

Котя.

– Боишься? – спросил папа.

Котя тряхнул головой в ушастой вязаной шапочке и глянул на папу как можно беззаботнее:

– Ничего я не боюсь, па. Просто отдыхаю.

Котя сидел на голубеньких санках-ледянках на краю крутого снежного спуска.

Папа, замотанный длинным шарфом по самые уши, стоял за его спиной.

А внизу виднелся замёрзший пруд.

Коте казалось, что пруд этот, в котором весной они с мамой пускали кораблики, сбегая по травяному склону наперегонки, теперь далеко-далеко, точно на дне глубоководной пропасти. И лететь вниз с ледяной горки очень страшно.

Нет, раньше, когда он съезжал вместе с папой, всё было хорошо, просто чудесно! Котя сам упрашивал папу: «Пошли на прудик кататься! Пошли, па! Ну пожалуйста!» Папа усаживался на санки-ледянки, Котя мигом устраивался у него на коленях – и они со свистом летели вниз. У папы – волосы дыбом, ветер обжигает уши! Здорово, весело, хочется ещё и ещё!

Большие папины руки в мохнатых рукавицах крепко держали сына, и Котя ничего не боялся. А теперь...

Теперь папа решил, что Коте пора научиться съезжать самому.

– Боишься? – опять спросил папа. – Не бойся, Кот, это только в первый раз как будто страшно, а потом – за уши не оттащишь! Вот увидишь. Ну давай, быстро! Р-раз – и уже внизу!

Рядом, оглушительно визжа, летели вниз мальчики и девочки. Одни отважно съезжали сами, другие – вместе со старшими.

В сторонке, под большой заснеженной берёзой, стояла старушка с чёрной сумкой и наблюдала за счастливыми ребятишками.

Надвигался вечер.

Снег, который совсем недавно был белым-белым, словно Котина зимняя курточка, теперь стал голубым, как санки-ледянки – и делался всё синее и синее. В окнах загорались разноцветные огоньки – точно на новогодней ёлке, которая всё ещё стояла у Коти дома, на тумбочке. Только Котина ёлка была маленькая, папе до плеча. А эта заснеженная ёлка большая-пребольшая – размером с целый городок...

– Давай, Кот, – повторил папа, – а потом сразу побежим домой, а то нам с мамой ещё заниматься надо, у нас в институте экзамен с утра. И я голодный, как сто драконов!

Котя глянул на папу, набрал полную грудь воздуха, закрыл глаза – и не двинулся с места.

– Хочешь, я тебя толкну?

Папа наклонился к санкам, но Котя крепко упёрся ладошками в лёд:

– Не-е-ет! Не надо, нет! Я сам! Я... я потом.

– Трусишка, – усмехнулся папа. – Смотри, Константин: сейчас не соберёшься – в другой раз труднее будет. Ну, едешь?

– Не еду, – расхныкался Котя, утирая нос обросшей ледяными крупинками мохнатой варежкой, – не хочу! Я устал.

– Ну и ну! Ни за что не поверю, что это мой сын. У меня, лучшего в институте пловца и футболиста, не может быть такого сына-растяпы! Не, мне подменили сына, точно! – папа удивлённо развёл руками. – Мой Кот – он смелый, он решительный. Не Кот, а настоящий тигр! А это – зайчишка-трусишка какой-то... Нет, мы так не договаривались: такой сын-бояка мне совсем не нужен.

Папа повернулся к всхлипывающему Коте своей широкой спиной, словно в самом деле не хотел иметь с ним ничего общего. А когда искоса глянул назад через плечо, сына на месте не увидел.

«Ура! Сработало! – обрадовался папа. – Молодец мой Кот!»

Он подбежал к краю спуска, чтобы сверху помахать маленькому смельчаку. Но на ледяном пруду Коти почему-то не оказалось.

Папа посмотрел по сторонам, потом скользнул вниз по склону, стал озираться, бегать, расспрашивать детей и взрослых. О пятилетнем мальчишке в белой курточке никто ничего не знал...

Котин папа вертел головой в полной растерянности.

А по высокому берегу неторопливо уходила старушка в длинном пальто.

Старушка жевала пирожок.

И в руке у неё была сумка.

Чёрная-чёрная.

Клубничная Варвара.

Варвара тяжело плюхнулась на кухонную табуретку, придвинулась к столу, налила в чашку кипятку из блестящего красного чайника и положила сразу пять ложечек сахара. Потом добавила ещё одну, потом, минутку подумав – ещё две. Затем она окунула в этот сладкий сироп пакетик клубничного чая на ниточке и стала крутить его, сначала – влево, потом – вправо: в чайной чашке, весело разрисованной цветками земляники и румяными ягодками, образовался маленький водоворот.

Чай сделался приятного красно-рыжего цвета.

Варвара втянула носом любимый клубничный запах и облизнулась.

Она с детства обожала клубнику – клубничное варенье и клубничный джем, клубничный йогурт и клубничный торт. Она мылась только земляничным мылом, густо мазала свои пухлые щёки земляничным кремом, а губы – вкусной земляничной помадой

Клубника-земляника красовались на огромном Варваринном халате, на её варежках, на каждом носовом платке. И даже на потёртых тапках-шлёпанцах, когда-то подаренных старшей сестрой, всё ещё виднелись две старательно вышитые шёлковые клубничины.

В предвкушении славного чаепития, Варвара скинула шлёпанцы и потёрла друг о дружку свои толстые пятки. Потом отломилась квадратик клубничной шоколадки – и затолкала его в рот. А потом, мыча от удовольствия, подхватила ложкой большой кусок соблазнительного клубничного желе...

И тут позвонили в дверь.

Варвара подскочила на табуретке – и красное желе в её ложке задрожало, точно живое.

От злости Варвара и сама стала краснющей, как это желе.

Она в сердцах бросила ложку на блюдечко, хлебнула из чашки, нашаривая ногами тапки, – и пошлёпала в прихожую.

– Ни днём ни ночью покоя нет! – басыла Варвара, отпирая замок. – Бегай и бегай, Варвара Кирилловна, открывай всем, кому только приспичит!

Она слегка приоткрыла дверь. С виноватым лицом в квартиру протиснулась сгорбленная старушка. Старушка была в сереньком пальто, в меховой шляпочке и с большой чёрной сумкой в руках.

– Что, опять скажешь «ключи забыла»? – недовольно гаркнула Варвара.

– Прости, Варя, – грустно улыбнулась старушка, – старая я наверно стала, всё теперь забываю...

– Не старая ты, а бестолковая! Скоро и голову свою дырявую где-нибудь позабудешь! – ухмыльнулась Варвара. – Да не велика потеря: от твоей головы всё равно толку нуль. Прямо удивительно, Женька, что мы с тобой родные сёстры: вот я всего на чуток тебя младше, а в голове – полный порядок. И ключи у меня всегда на месте.

– Да-да, – закивала старушка Женька, – ты у нас молодчина, Варя!

– То-то! – Варвара повернулась и ушлёпала в кухню, где её дожидался остывающий чай.

А старушка Женька вздохнула, аккуратно поставила чёрную сумку на полочку возле зеркала, повесила серенькое пальто на крючок – и ушла в свою комнату.

– Ага, ключи будто бы она забыла, пустая голова, – ворчала Варвара, громко жуя и причмокивая, – так я ей и поверила! Врёт, врёт, ясное дело – врёт. Она и в детстве приврать любила. Это она нарочно всё затеяла, чтобы мне помешать: знает, что я в это время всегда чай пью. А у самой-то ключи в кармане лежат! Точно!

Заплывшие Варварины глазки полыхнули мстительным огнём:

– А я вот сейчас пойду и проверю!

Она ринулась в прихожую.

Но в кармане Женькиного пальто шуршали одни лишь семечки, которыми непутёвая сестра вечно подкармливала птиц. Ключей там не оказалось.

Тогда взгляд Варвары упал на чёрную сумку.

– А-а-а! Так они же у неё в сумке! Ну держись ты у меня, врушка-Женька...

Варвара схватила сумку и щёлкнула потускневшим замочком. Сумка раскрылась – и в лицо Варваре пахнуло знакомыми, давно забытыми запахами: старой крашеной кожей, пудрой, корицей, лекарствами. И слабенько, еле-еле – любимыми мамиными духами.

Ведь это была мамина сумка – Жене она досталась по наследству. Вернее, после маминой смерти Варвара сама отдала сумку старшей сестре. А себе Варвара тогда забрала бабушкин ларчик с украшениями, серебряные ложки и вилки, затканый розами ковёр, две старинные картины в золочёных рамах, три фарфоровых сервиза – чайный, кофейный и обеденный, хрусталь, каракулевую шубу... Ну не Женьке же было всё это отдавать, с её-то дырявой головой? Она быстро бы всё раздарила налево-направо, всё наследство родительское по ветру пустила.

А сумка...

Перед смертью мама просила, чтобы дочери жили дружно и всё имущество поделили поровну. А сумку свою она завещала Варваре. Так и сказала: «Хорошенько храни мою сумочку, дочка Варя! Она всегда будет оберегать тебя». И прибавила: «Эх, Варя-Варя, горе ты моё! И как ты только без меня жить на свете будешь? Ума не приложу...»

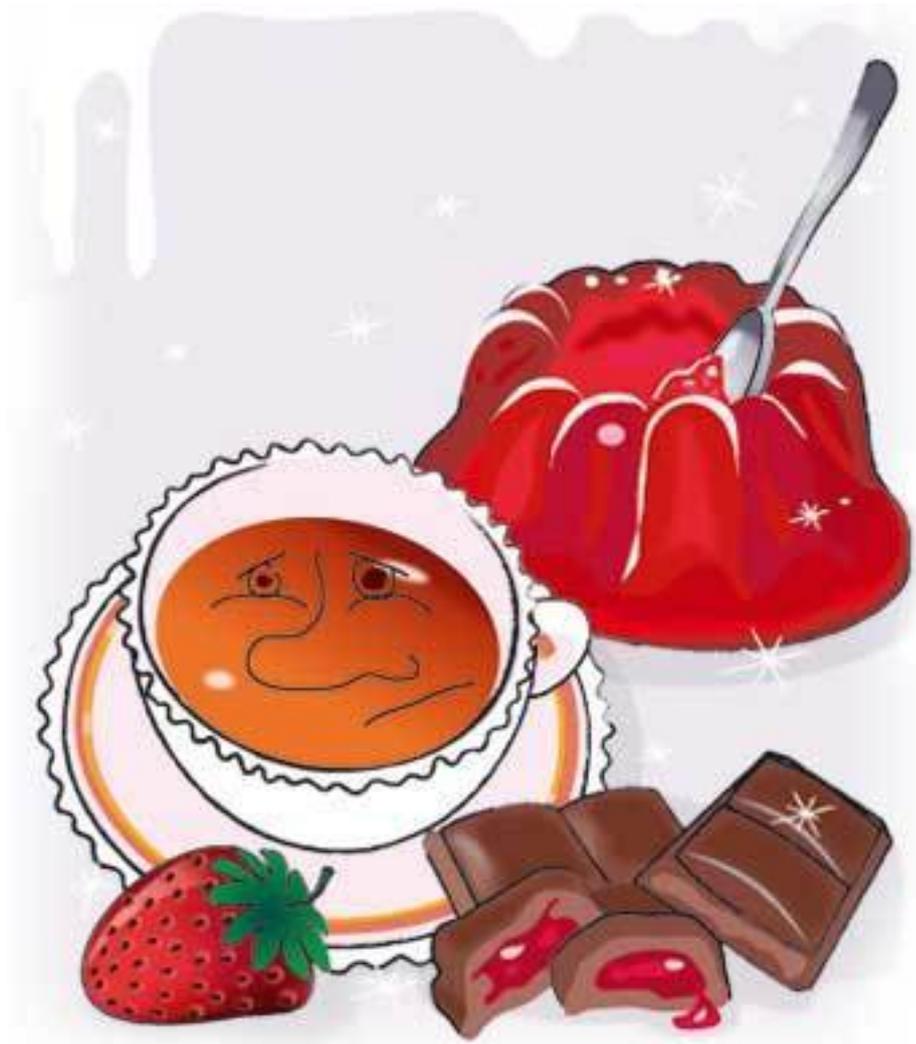
Как-как? Да очень даже распрекрасно! Лучше бы мама о Женьке своей безалаберной беспокоилась, о её дырявой голове.

Нет, не нужна была Варваре мамина обшарпанная сумка.

А вот Женьке такое барахло – в самый раз.

Варвара презрительно фыркнула, заглядывая в сумку – и испуганно отпрянула.

Там, внутри... там...

Несчастливая Ирка.

Во вторник с самого утра по городку поползли страшные слухи: стали пропадать маленькие дети. Об этом с охами, вздохами и ужасающими подробностями рассказывали друг другу соседки на лестницах, эту новость обсуждали пассажиры в автобусах и покупатели в очередях.

Воспитательницы детских садов шептались по углам, делая страшные глаза. Родители не пускали детей гулять одних, возле школ дежурили перепуганные бабушки и дедушки. Горожане спорили.

- За детей требуют выкуп! – утверждали одни.
- Нет – дети просто исчезают бесследно! – возражали другие.
- Детей похищают преступники!
- Нет, инопланетяне!
- Детей увозит жуткая длинная машина с красными стёклами!
- Нет – их уносит страшная и чёрная летающая тарелка!

Ирка второй день не находила себе места. С того самого мгновения, как пропал Васенька, она уже не могла спокойно сидеть ни дома, ни в школе, ни у подруг. И после уроков сразу отправилась бродить по дворам и улочкам, разыскивая хоть какие-нибудь следы младшего братика.

Никто так и не поверил ей, что Васенька исчез сам – вдруг, в одну секундочку! Сначала родители требовали, чтобы Ирка честно призналась, где и как оставила маленького брата без присмотра; потом взъерошенный милицейский следователь в квадратных очках долго объяснял ей, что, если она скажет всю правду, ничего не утаивая, это очень поможет следствию – и возможно, даже спасёт Васеньке жизнь.

И она снова и снова говорила всем чистую правду, но ей никто не верил.

Мама всё время плакала, а рассерженный папа с дочкой уже почти не разговаривал.

Расстроенная Ирка несколько раз забегала в милицию, чтобы узнать новости. Но следователь всё время был занят. В конце концов, ожидая у дверей в милицейском коридоре, она познакомилась с молоденькой мамой пропавшей девочки Лили и долговязым папой пропавшего мальчика Кости. Сначала все трое сидели молча, думая о своём, страшно расстроенные, потом случайно разговорились – и тут выяснилось, что маленькие Лилия и Костя исчезли точно так же, как Васенька – сразу, в один миг!

Торопясь, перебивая друг друга, они вновь и вновь рассказывали свои печальные истории, в которые никто из окружающих не хотел верить. И, несмотря на украдкой набегающие слёзы, радовались, что так удачно встретились в этот день.

Вспоминая о случившемся, Ирка громко всхлипывала:

– Он исчез за одну минуточку, мой братик! Просто испарился: раз – и нету! И никто мне не верит, представляете? И никому ничего не доказать. Я же была совсем одна! Там во дворе, как нарочно, совсем-совсем никого не было! Нет, правда одна старенькая бабушка мимо проходила...

– Бабушка? Какая бабушка? – вдруг заёрзал на стуле Котин папа, нервно теребя концы длинного полосатого шарфа. – Случайно, не в старинном таком пальто?

– Да, в пальто, – кивнула Ирка, – в старинном! И в сером, кажется...

– И... и сумка у неё ещё была? – затрясла кудряшками Лилина мама. – Кошмарная, немодная такая, с ржавым-прержавым замком?

– Да! Да! Сумка! – дружно, в один голос закричали Ирка и Котин папа. – Чёрная сумка! Они переглянулись – и ринулись в кабинет следователя.

Подозрительную старушку с чёрной сумкой немедленно начали искать...

В сумке.

Варвара отпрянула: в сумке было что-то маленькое и живое.

И оно там было не одно.

Это «неизвестно что» мигом шмыгнуло по углам, когда любопытная Варвара засунула в сумку свой клубнично-красный, распаренный горячим чаем нос.

«Может, мыши? – брезгливо поёжилась Варвара. – Просто мыши развелись от грязи. Сумка старая, помойная, а у такой безголовой неряхи, как наша Женька, не то что мыши – пауки и червяки могут в сумке завестись!»

Она вновь осторожненько заглянула внутрь: живность попряталась, никого видно не было. Но пошарить внутри Варвара не решилась: мышей она боялась. Вдруг ни за что ни про что возьмут – да и тяпнут за палец?

Она защёлкнула на сумке замок, подошла к дверям сестриной комнаты, прислушалась. Тихо у Женьки: наверно, опять какую-нибудь ерунду из картона клеит или книжки свои глупые читает. Прямо как маленькая.

Зажав сумку под мышкой, любопытная Варвара на цыпочках прокралась к себе, заперла дверь. Потом огляделась, схватила мамину корзинку для рукоделия, в которой – сама не зная зачем – уже много лет копила блестящие розовые баночки из-под клубничного крема. Она высыпала баночки на диван, потом осторожно приоткрыла Женькину сумку, быстро перевернула – и вытряхнула в корзинку всё её содержимое.

У корзинки была крепкая крышка с запором, и Варвара уже собиралась захлопнуть её, чтобы живность из старой сумки не разбежалась по всей комнате, но тут...

Тут она заметила, что никакие это не мыши.

Среди фантиков, липких клочков фольги, грязных носовых платков и комканных автобусных билетов сидели, испуганно вертя головами, крошечные человечки.

– Карлики! – вскричала Варвара – но тут же зажала себе рот: сестра не должна была догадываться, что Варвара раскрыла её тайну.

– Вы кто, недоростки? Гномы? Гоблины? – строго спросила она у человечков. – Или домовые?

Человечки запищали, замахали ручонками. Но что именно они говорили, Варвара не понимала. Она прижала ухо к самой корзинке – и тогда отчётливо услышала:

– Мы – простые нормальные дети, тётенька-великан!

– Во-первых, я вам не тётенька. Я госпожа Варвара. А во-вторых, простые нормальные дети не сидят в сумках, – решительно возразила Варвара. – Простые нормальные дети не пищат, как комары! И они никогда и ни за что не позволяют себе быть такими возмутительно мелкими!

Но коротышки продолжали уверять, что они обычные дети.

Варвара достала из ящика письменного стола большую дедушкину лупу в серебряной оправе и сквозь увеличительное стекло всмотрелась в писклявую живность. К большому Варварину удивлению, это и правда были типичные уличные дети: мальчишка в зимнем комбинезоне с карманами, девчонка в пушистой шубке и ещё один ушастый мальчишка в белой курточке – плакса, по всему видать.

Этот третий тёр глаза, ныл и просился домой, к маме.

Варвару аж передёрнуло от отвращения: детей она терпеть не могла. Особенно плакс.

– Хм... Безобразие! И кто вам позволил быть такими писклявыми? И кто вам позволил влезть в чужую сумку? – выспрашивала у коротышек Варвара. – Кто?!

Этого странные малюсенькие дети и сами не знали...

Волшебный домик.

Васенька хорошо помнил, как показал вредящей сестре Ирке язык. И как поднёс ко рту свою любимую ореховую конфету.

Но вот как он оказался вдруг в непроглядной темноте, Васенька не помнил.

Сначала Васенька подумал, что это свет выключили. Потом удивился: на улице свет от солнца, это любой пятилетний мальчик знает. Даже когда снег идёт, даже когда на небе облака – всё равно от солнца светло. А солнце – оно высоко, оно в космосе. Нельзя же взять – и выключить солнце? Даже с самолёта, даже из ракеты. Папа говорит, что солнце очень большое и состоит из сплошного огня: никакой дождь, никакой ливень его погасить не может!

Тогда умница-Васенька догадался: раз совсем темно – значит, он больше не на улице.

Только никак не мог понять, куда же попал.

Васенька потрогал руками пол – пол был странный: мягкий и тряпчатый. Потом он нащупал такие же мягкие стенки. А потом пожалел, что забыл дома зажигалку с голубым фонариком: папа отдал её Васеньке, когда огонь в зажигалке весь кончился. Зато фонарик светил просто отлично! Эх, была бы она сейчас тут...

Р-раз! – и зажигалка оказалась у Васеньки в руке.

Яркий лучик осветил странную узенькую комнату: пол и стены были обтянуты старой шёлковой тканью, кое-где ещё блестящей, кое-где – затёртой до дыр. Вокруг на полу валялся разный мусор: бумажки, скомканные тряпки и какие-то странные округлые деревяшки, похожие на скорлупу больших-пребольших орехов.

Но таких великанских орехов на свете не бывает же?!

Орехи Васенька очень любил. Правда, самые обычные, маленькие. Особенно – молоденькие, обросшие снаружи нежным зелёным пушком: те, у которых ядрышко внутри ещё сочное. Прошлым летом он собирал такие – вместе со своим папой, на даче, в самом настоящем диком лесном орешнике.

Васенька подумал о лете, о лесе – и ему сразу захотелось орешков. Так всегда бывает: вспомнишь что-нибудь – и тебе сразу же этого хочется.

И вот что удивительно: во рту у Васеньки мигом очутилось вкусное ореховое ядрышко!

Потом второе, третье... Только жуй да глотай.

– Хватит! Больше не хочу! – промычал наконец Васенька.

И орехи послушно исчезли.

– Ух ты, – прошептал Васенька, – значит, тут меня слушаются? Интересно, тут только орешки и фонарики раздают? А если... а если... А если захотеть сразу целый торт?

Торт появился: большой-пребольшой, весь в кремовых розах. И ложка сбоку воткнута – ешь не хочу!

Васенька поковырял пальцем шов на тряпичной стенке и вставил туда фонарик, чтобы было светло. Потом деловито взял ложку, отправил в рот большой кусок торта, потянулся за другим.

И тут рядом возникла ниоткуда чужая девочка.

– Ты что здесь делаешь, мальчик? – озираясь, спросила девочка.

– Торт ем, – облизнувшись, невозмутимо ответил Васенька.

– Ой! И я хочу тортика! – воскликнула девочка.

И в её руке мигом оказалась ложка.

Девочка села на тряпичный пол, прямо напротив Васеньки, и минут пять они ели торт молча, лишь весело переглядываясь. Потом Васеньке захотелось пить – и в то же мгновение он уже держал в руке пакетик апельсинового сока с воткнутой в уголок полосатой трубочкой. Девочка тоже попросила сока – и, разумеется, получила свою порцию, только уже яблочного.

Она отпила, облизнулась и спросила:

– Мы где, мальчик? В волшебном домике?

– Не знаю, – шумно втянув сок из трубочки, ответил Васенька. – Мой папа говорит, что ничего волшебного на свете не бывает.

Васенька допил сок – и бросил пустой пакетик прямо на пол.

– Не свинячь, мальчик! – одёрнула его девочка.

– Я не мальчик. Я Васенька, – сказал Васенька.

– А я – Ля.

– Ля? Так тебя зовут?

– Так меня зовут, – важно кивнула девочка Ля. – А ты как сюда попал?

– А ты?

– Я первая спросила!

Васенька вздохнул:

– Я гулял с сестрой Ирккой. Я её не слушался, она на меня злилась. И тогда я попал сюда.

– Ой, и я не слушалась! И на меня мама сердилась! – закричала Ля. – И тогда...

Ля не договорила: между ней и Васенькой вдруг оказался ещё один мальчик, совсем маленький, в белой курточке, в смешной ушастой шапке и с голубыми санками-ледянками в руках.

– Ага! Что, мальчик?! Ты тоже не слушался?! – торжествующе вскричала Ля.

Мальчик глянул на Ля, глянул на Васеньку, покосился на изрытый ложками торт на полу – и завопил во весь голос:

– А-а-а! Папа-а-а! Где моя мама-а-а? А-а-а!

– Я хочу, чтобы ты замолчал сейчас же, – сказала Ля, зажимая уши ладошками. – Мальчикам стыдно плакать и вопить.

Но мальчик продолжал вопить как резаный.

Тогда Васенька представил, будто у мальчика во рту большое красное яблоко.

Бац! – и яблоко во рту у мальчика появилось.

Мальчик затих, слегка прикусив яблоко чуть торчащими верхними зубами. Он, в своей ушастой шапочке и с яблоком во рту, напоминал перепуганного зайца. Васенька и Ля переглянулись – и покатались со смеху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.